

Следующий по времени исследователь, О. Ф. Миллер, вообще отказывает первоначальному Слову Даниила Заточника в общественной значимости. Во-первых, по мнению О. Ф. Миллера, в Слове нет ничего или почти ничего самобытного русского, кроме нескольких народных пословиц. Кроме того, являясь челобитьем частного лица, оно имеет „в виду только насущный интерес этого лица“. Сделавшись из частного делового письма литературным произведением, Слово стало переделываться, дополняться и отражать в себе те перемены, которые происходили в русском обществе. Эти перемены особенно выпукло сказались уже в редакции XIII в. (Моление, Послание Даниила Заточника). Похвалы князю, раньше отличавшиеся искренностью и независимостью, отныне приобретают угоднический характер. Автор послания начинает называть себя рабом князя и сыном его рабыни. „Большой должен был совершиться переворот в понятиях, — пишет О. Ф. Миллер, — если можно было надеяться расположить к себе князя — сравнением его со змеем свистящим и львом рыкающим... С другой стороны, прежнего рода жалоб на сильных в редакции XIII в. уж нет: напротив, вместо прежнего: «не удерживай золота, а раздай людям», тут мы читаем: «раздавай сильным», т. е. тем, которые и без того уже имеют немало. Вероятно, — приходит к заключению О. Ф. Миллер, — переделавший Слово потому так заботится о сильных, что и себя причисляет к ним“.¹

Оспаривая это мнение О. Ф. Миллера, Е. Модестов считал, что „в редакции XIII века жалобы на сильных остаются почти те же, что и в редакции XII в.“. Кроме того, выражения „раздай людям“ и „раздай сильным“ „означают одно и то же, так как слово «люди» означало дружину, а дружинники, даже низшие, в сравнении с земскими людьми, справедливо могли называться сильными, в смысле хорошо владеющих оружием, храбрых, отважных“. По мнению Е. Модестова, автор Слова Даниила Заточника являлся членом младшей княжеской дружины, который мог себе позволить выпады против высших представителей княжеского управления. Этот памятник следует рассматривать не как личное послание, преследующее ограниченные цели автора, а скорее как поучение для князя. „Какой-то дружинник хотел дать наставления князю, хотел высказать ему свои взгляды на некоторые предметы и, главным образом, указать князю, как он должен относиться к дружине“. В таком виде послание неоднократно переделывалось, причем каждый редактор ставил в последнем имя современного ему князя и к нему приспособлял все содержание произведения. В качестве поучения, приходит к заключению Е. Модестов, памятник „не только выражает личные взгляды и вкусы какого-то грамотея XII века, находившегося притом в совершенно исключительном положении (ибо

¹ О. Ф. Миллер. Опыт исторического обзора русской словесности, 2-е изд. ч. 1, вып. 1. СПб., 1865, стр. 374 и 375.